Чжэн Юйчжи неизвестно откуда взял сил: его левая рука, словно железные клещи, намертво вцепилась Гу Хуну в затылок, не давая отстраниться.

Какое-то время Гу Хун даже не мог его оттолкнуть.

Мало того, что не смог оттолкнуть, так он еще по неосторожности приложил усилие и слегка приоткрыл рот, чтобы вдохнуть.

Для безрассудного новичка Чжэн Юйчжи это прозвучало словно ключ к разгадке: он внезапно тоже приоткрыл рот, переплетая свое дыхание с его.

От смешения дыханий и обжигающего жара в голове все перепуталось.

Видимо, во всем был виноват углекислый газ: страх перед Гу Хуном отступил, уступив место безумству, и Чжэн Юйчжи осмелился на невероятное — он легонько коснулся губ Гу Хуна.

Тонкие губы Гу Хуна уже онемели от напора не знавшего меры Чжэн Юйчжи.

Но вдруг его словно током ударило.

Ощутился слабый влажный привкус крови.

Гу Хун мгновенно пришел в себя, ухватил Чжэн Юйчжи за шею с такой силой, что казалось, еще чуть-чуть — и он ее сломает, а затем отбросил его прочь.

От этого толчка Чжэн Юйчжи отлетел назад на несколько шагов и с жалкой и нелепой силой рухнул задом на землю.

Шею жгло огнем. Приложи Гу Хун хоть капельку больше сил, его позвоночник наверняка бы хрустнул.

Чжэн Юйчжи попытался подняться, но Гу Хун внезапно шагнул вперед и наступил ему на грудь. От этого удара Юйчжи плашмя завалился на спину, и его голова с глухим стуком ударилась о землю.

Гу Хун смотрел на него сверху вниз, воплощая собой самого асуру:

— Чжэн Юйчжи, коль вздумал оставаться в моем Дунчане, веди себя смирно, Евнух-распорядитель приказывает! Если еще раз устроишь подобную мерзость с нарушением всех границ или позволишь себе вольность в разговоре со мной, берегись…

Гу Хун, человек, который за день мог придумать восемьсот видов казней, вдруг запнулся. Чжэн Юйчжи был словно медный горох — его не сваришь, не распаришь, не разобьешь и не поджаришь, — и Гу Хун в данный момент и впрямь не знал, чем бы пригрозить этому наглецу.

Неожиданно Чжэн Юйчжи рассмеялся.

Лежа под чужой ногой, на его заурядном лице вновь проступило нечто донельзя соблазнительное и порочное.

Чжэн Юйчжи поднял руку — красивую настолько, что ей, казалось, вовсе не пристало держать клинок, — и с вызывающей небрежностью, почти играя, обхватил запястье Гу Хуна.

Гу Хун на миг замер.

Он тут же отдернул ногу.

Не обращая внимания на боль во всем теле, Чжэн Юйчжи без малейшего стеснения и совершенно позабыв о приличиях перекатился по земле, уперся руками в пол и в мгновение ока вскочил на ноги.

Он тяжело и прерывисто дышал, бросая на Гу Хуна дерзкий взгляд.

— Я буду говорить с тобой дерзко, и как только представится случай, снова сделаю что-нибудь непристойное. И как же ты меня накажешь, Евнух-распорядитель?

Пункт 11 Руководства по выживанию в Дунчане: дерзнувший насильно поцеловать кого-либо проходит в предварительный отбор на звание главного извращенца эпохи Мин; дерзнувший же насильно поцеловать главнокомандующего Восточного Депо напрямую попадает в грандиозный финал.

(Поздравляем маленького Юйцзы с прямым попаданием в грандиозный финал минских извращенцев).

Глава 12

Гу Хун и помыслить не мог, что у Чжэн Юйчжи хватит бесстыдства на такое.

И впрямь, раньше он его недооценивал.

Он уже хотел было пригрозить ему предупреждением, как вдруг из-за дверей донесся шум. Звуки звенящих цепей, резкий свист рассекающего воздух хлыста и окрики.

Гу Хун и Юйчжи одновременно повернули головы на звук.

То, что предстало перед глазами, заставило Чжэн Юйчжи едва ли не рухнуть на землю во второй раз.

Внутрь гнали вереницу окровавленных людей. Босые, с каждым шагом они оставляли за собой следы кроваво-красных, перемешанных с грязью грязных отпечатков. Их одежды давно превратились в лохмотья от ударов плетей, а пропитанные кровью обрывки ткани не могли прикрыть тела. Оголенная кожа пестрела свежими ранами, мясо было вывернуто наружу, и только что запекшаяся чернеющая кровь вновь заливалась свежими потоками.

Больше всего волосы вставали дыбом оттого, что левые ступни несчастных были нанизаны на длинный плоский железный прут. Заостренный металл пронзал лодыжку одного и уходил в лодыжку следующего, кровавым буром проходя сквозь ноги людей одну за другой.

При каждом шаге раздавался заставляющий оскомину скрип железа о кости.

Это ужасное орудие пытки заставляло их шагать левой ногой строго одновременно: стоило кому-то оступиться хоть на пару секунд раньше или позже, как лодыжки вновь разрывало с чудовищной силой. Но всегда находились те, у кого через несколько шагов совсем кончались силы, не говоря уже о евнухах, которые постоянно толкали их и хлестали плетями; кто-нибудь неизменно сбивался с шага, и тогда помещение оглашалось хриплыми стонами.

В один миг в голове Чжэн Юйчжи образовалась звенящая пустота, наполненная липким, всепоглощающим страхом. Появись эта картина парой минут раньше, ему бы не хватило и восьми сотен жизней, чтобы решиться нагло полезть целовать Гу Хуна.

Быть может, он слишком привык к дерзким речам А Мина и Шуан Мина, адресованным Гу Хуну, а может, Гу Хун из уважения к Чжэн Юйчжи, его наставнику, позволял ему слишком многое — все это заставляло его подсознательно забывать, что он находится в лишенной всяких прав древности, а человек перед ним — самый наводящий ужас живой владыка ада во всей династии.

Гу Хун вечно угрожал Чжэн Юйчжи на словах, обещая самые изощренные пытки, но звучало это пугающе лишь внове, а на деле он никогда не претворял угрозы в жизнь. От столь частых повторений Чжэн Юйчжи притупил бдительность, и в то же время подсознание подсказывало ему, что все эти жестокие казни существуют где-то далеко от реальности.

На самом деле все оказалось слишком близко.

Настолько близко, что от отделявшего его двора до места пыток было всего несколько стен. Здесь, в управе Восточного Сыскного Управления, подобные ужасы происходили, вероятно, каждый божий день.

У Чжэн Юйчжи подкосились ноги, и он начал заваливаться на землю.

Гу Хун резко подхватил его за плечо, надежно удерживая на весу.

Чжэн Юйчжи растерянно взглянул на него: его чувства и тело оцепенели настолько, что не могли выдать никакой реакции.

Старший надзиратель, что гнал заключенных, был напрочь лишен проницательности — он совершенно не понял, насколько скверно у Гу Хуна на душе и как чудовищно не соответствовала моменту царившая вокруг атмосфера.

Еще тогда, когда Чжэн Юйчжи пикировался с Гу Хуном, все следовавшие за Гу Хуном младшие евнухи благоразумно удалились до единого, да и тайные стражи отошли к самому краю, ожидая приказаний вне зоны слышимости.

Этот же надзиратель упорно не замечал очевидного: он подполз к Гу Хуну на коленях, сияя от восторга, словно ожидал наград, и доложил высоким, заискивающим тоном:

— Ничтожный раб Лю Шаньчэн приветствует Евнуха-распорядителя! Государственные преступники из Академии Шанвэнь пойманы до единого, никто не сбежал, прошу Евнуха-распорядителя вынести решение.

Гу Хун даже не посмотрел на него.

Он чувствовал, что Чжэн Юйчжи до сих пор не пришел в себя, а вес его тела целиком обрушился на поддерживавшую его руку. Чжэн Юйчжи держался на ногах лишь благодаря единственной руке Гу Хуна.

Гу Хуна это взбесило. Свободной рукой он ухватил Чжэн Юйчжи за подбородок, заставляя смотреть прямо на себя.

Чжэн Юйчжи резко очнулся, и в глубине его глаз вспыхнул предельный, животный ужас. Зрачки его мелко дрожали, он не смел даже взглянуть в глаза Гу Хуну, лишь затравленно отводя взгляд к самому его виску.

Этот взгляд полоснул Гу Хуна по живое, и он свирепо бросил:

— Теперь-то понял, что я за человек? Страшно? Так убирайся к черту! Не мелькай перед глазами, мне тошно от тебя.

Тон Гу Хуна звучал странно, с примесью горькой самоиронии: свирепые слова словно сквозили глубоким, неизбывным разочарованием.

Он резко взмахнул рукой, оттолкнув Чжэн Юйчжи так, будто сбрасывал с себя какую-то омерзительную грязь.

Лишившись опоры, Чжэн Юйчжи рухнул на землю.

— Проваливай, Чжэн Юйчжи!

Гу Хун приказывал Чжэн Юйчжи убираться прочь, но сам же при этом со всех ног бросился бежать.

Гу Хун бежал — едва ли не в панике.

Он и сам не мог толком объяснить почему.

Может, не желал больше видеть перепуганное лицо Чжэн Юйчжи? Или боялся, что отныне тот будет смотреть на него лишь с трепетом и страхом?

По правде говоря, раньше ему доставляло немалое удовольствие пугать Чжэн Юйчжи. Что же сегодня с ним стряслось? Разве не этого он добивался — чтобы Чжэн Юйчжи боялся его и не смел переступать черту? Почему же этот страх так больно ранил его? Нет, всё не так, совсем не так. Он наверняка просто взбешен бесстыдными и дерзкими выходками Чжэн Юйчжи. Разумеется, только этим.

Ему казалось, что собственные губы охвачено пламенем.

Этот Чжэн Юйчжи, у которого хватило наглости съесть медвежье сердце и леопардовую печень! Как он посмел надругаться над ним!

Его, его самого оскорбили в его собственной вотчине! Он, главнокомандующий Восточного Депо, властный евнух, стоящий ниже лишь одного человека, но выше мириадов, был унижен в собственном логове?

Он… до него еще никто и никогда не дотрагивался…

Гу Хун машинально сжал тонкие губы. Никто и никогда не касался его губ.

Поцелуй должен сопровождаться любовью и страстью.

Давным-давно покойный император как-то раз после изрядной порции хмельного поведал об этом Гу Хуну.

Покойный император был человеком широкой души и подлинных чувств: за всю жизнь он взял в жены лишь одну императрицу. Та скончалась вскоре после рождения наследника, и как ни усовещивали министры государя наполнить гарем и позаботиться о продолжении рода, он оставался непреклонным. Тоскуя по ушедшей супруге, он придавался вину, а захмелев, изливал Гу Хуну душу.

В вопросах чувств и страсти Гу Хун безоговорочно верил словам покойного императора.

Гу Хун никому не позволял прикасаться к своим губам. Целуют лишь тех, кого любят, но… он-то? Человек вроде него, евнух — какая ему любовь и какая страсть? До чего же нелепо.

О каких чувствах со стороны Чжэн Юйчжи вообще мог идти речь? Тот просто в очередной раз взбрыкнул, решив потешиться за его счет.

Но если это лишь забава, как можно было его поцеловать?!

Бездушная тварь! Рано или поздно он вскроет ему грудную клетку и посмотрит, пусто ли у того внутри.

Академия Шанвэнь пользовалась высочайшей репутацией во всей Династии Великая Мин: бесчисленное множество ученых мужей ежегодно выходило из ее стен, а первая тройка лучших выпускников из года в год состояла исключительно из ее воспитанников. Нынешний самый молодой ученый муж во Внутреннем кабинете (Нэйгэ) также происходил из Академии Шанвэнь. Чиновники-пуристы, влиятельные кланы и даже клика евнухов — едва ли в империи нашлась бы хоть одна сила, не связанная так или иначе с Академией Шанвэнь.

Среди всех учащихся Поднебесной не было тех, кто не знал бы Шанвэнь.

И тем не менее, эта исполненная глубоких корней и влияния академия, к которой стремились сердца всех литераторов Поднебесной, в одночасье была до основания разрушена силами Дунчана.

Старинные постройки на склоне горы были превращены в руины, вековые деревья вырваны с корнем, а Зал хранения книг, где хранилось бесчисленное множество редчайших и единственных в своем роде фолиантов, сожжен дотла. Даже земля во дворе была перекопана вдоль и поперек.

Мало того, злейшим оскорблением стало то, что эти псы из Дунчана обошлись с преподавателями академии с помощью чудовищных пыток, погнав окровавленных людей через порог тюрем Восточного Сыскного Управления.

http://bllate.org/book/25641/3058708